Н.А. Потапова*

«ЧУЖДОЕ» ЯВЛЕНИЕ: БЕЗРАБОТИЦА В СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-16
УДК 314.72:94(470)"195/196"

Выходные данные для цитирования:
Потапова Н.А. «Чуждое» явление: безработица в Сибири 1920-х годов и ее социально-демографический облик // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 183−191. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-16.pdf

N.A. Potapova*

AN “ALIEN” PHENOMENON: UNEMPLOYMENT IN SIBERIA IN THE 1920S AND ITS SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-16

How to cite:
Potapova N.A. An “Alien” Phenomenon: Unemployment in Siberia in the 1920s and Its Socio-Demographic Profile // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 183−191. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-16.pdf]

Abstract. The article examines the phenomenon of mass unemployment in Siberia in the 1920s, which, despite being “alien” to socialist ideology, nevertheless became widespread in the region. Based on statistical materials from the Central Statistical Administration, labour exchanges, the 1923 and 1926 population censuses, and reports of Sibkraytrud and Narkomtrud, the scale, dynamics, and structure of the unemployed population are analysed. It is shown that Siberia stood out within the USSR in terms of the number of unemployed and the load per labour exchange, which allows it to be considered one of the most vulnerable territories in the sphere of employment. The main attention is paid to the socio-demographic profile of the unemployed: sex and age composition, work experience, professional and qualification characteristics, and marital status. It is revealed that women and adolescents constituted the most vulnerable categories. Female unemployment was protracted and was aggravated by insufficient qualifications and the limited use of female labour in industry. Young people without hired work experience faced particular difficulties in finding employment, which forced the state to introduce job reservation. A significant part of the unemployed consisted of unskilled labourers, Soviet office employees, and construction workers, which reflected structural disproportions and the seasonality of the Siberian economy. Attention is paid to the analysis of work experience, which showed an increase in the share of unemployed persons offering their labour for the first time. Seasonal fluctuations in the unemployment rate related to the nature of work in Siberia are identified. It is concluded that unemployment in Siberia became a major social disaster, excluding a significant number of the able-bodied population from productive life and increasing social instability.

Keywords: unemployment, labour exchanges, Siberian Krai, population census, socio-demographic structure, professional and qualification composition, seasonality.

The article has been received by the editor on 10.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Анатольевна Потапова,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru
Natalia Anatolievna Potapova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX − начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia’s Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье рассматривается феномен массовой безработицы в Сибири в 1920-е гг., который, будучи «чуждым» социалистической идеологии, тем не менее получил широкое распространение в регионе. На основе статистических материалов Центрального статистического управления, бирж труда, переписей населения 1923 и 1926 гг., отчетов Сибкрайтруда и Наркомтруда анализируются масштабы, динамика и структура незанятого населения. Показано, что Сибирь выделялась в масштабах СССР по численности безработных и нагрузке на одну биржу труда, что позволяет считать ее одной из наиболее уязвимых территорий в сфере занятости. Основное внимание уделено социально-демографическому облику безработных: половозрастному составу, трудовому стажу, профессионально-квалификационным характеристикам и семейному положению. Выявлено, что женщины и подростки составляли наиболее уязвимые категории. Женская безработица носила затяжной характер и усугублялась недостаточной квалификацией и ограниченным применением женского труда в промышленности. Молодежь, не имевшая наемного стажа, сталкивалась с особыми трудностями при трудоустройстве, что вынудило государство ввести бронирование рабочих мест. Значительная часть безработных приходилась на чернорабочих, советских служащих и строителей, что отражало структурные диспропорции и сезонность сибирской экономики. Внимание уделено анализу трудового стажа, показавшему рост доли безработных, впервые предлагавших свой труд. Выявлены сезонные колебания уровня безработицы, связанные с характером работ в Сибири. Делается вывод о том, что безработица в Сибири стала крупным социальным бедствием, исключившим из производственной жизни значительное количество трудоспособного населения и усилившим социальную нестабильность.

Ключевые слова: безработица, биржи труда, Сибирский край, перепись населения, социально-демографическая структура, профессионально-квалификационный состав, сезонность.

Статья поступила в редакцию 10.10.2026 г.

В 1920-е гг. Советское государство столкнулось с масштабным и во многом неожиданным для марксистской теории явлением − массовой безработицей. Этот социально-экономический феномен, считавшийся «чуждым» социалистической идеологии, в полной мере проявился и в Сибири. По официальным данным Центрального статистического управления (ЦСУ) в 1921 г. в стране было зарегистрировано около 100 тыс. безработных, к 1 января 1923 г. эта цифра увеличилась до 641 тыс. чел., к началу 1924 г. − до 1240 тыс. чел. Максимального значения этот показатель достиг весной 1929 г., составив около 1,7 млн чел.[1] В Сибирском регионе динамика была столь же тревожной: согласно переписи 1923 г., здесь насчитывалось около 48,7 тыс. чел., ищущих работу, а перепись 1926 г. зафиксировала уже 76,3 тыс. чел.[2] Согласно переписным данным первой половины 1920-х гг., основная масса незанятых − примерно 45 % (около 21,9 тыс.) − концентрировалась в губернских центрах: Новониколаевске, Томске, Омске, Иркутске и др. К 1926 г. эта диспропорция не только не сгладилась, но и стала еще более выраженной. Население активно перемещалось в наиболее крупные города в надежде найти там работу, полагая, что в них выше потребность в кадрах. Слухи о крупных строительных объектах, активно распространяющиеся среди населения, также стимулировали миграцию из провинции. Кроме того, сами учреждения по трудоустройству, которые в Сибири размещались в Омске, Новосибирске, Иркутске, Барнауле, Бийске, Томске и Красноярске, выполняли функцию своеобразного центра

[1] *Рогачевская Л.С.* Ликвидация безработицы в СССР 1917−1930 гг. М., 1973. С. 76−77.
[2] Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. XXIII. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Занятия. С. 2−3, 362.

притяжения, постоянно пополняя ряды безработных, которые связывали с ними не только шанс получить место, но и возможность рассчитывать на пособия и государственные льготы.

Сибирский край выделялся в масштабах СССР по численности незанятого населения. На 1 января 1927 г. в Сибири биржами труда было учтено около 37,7 тыс. безработных, больше, чем, например, в Белорусской ССР, где этот показатель составлял около 23 тыс. чел. Выше в Сибири была и нагрузка на одну биржу труда. В среднем по СССР она равнялась около 4,6 тыс. незанятых, по РСФСР (без учета Москвы и Ленинграда) − около 3,4 тыс., а в Сибири этот показатель достигал порядка 5,4 тыс. чел.[3] Итак, Сибирь не только не уступала большинству регионов страны, но и превосходила их по остроте проблемы безработицы, что позволяет считать ее одной из наиболее уязвимых территорий СССР в сфере занятости.

За этими количественными трендами и миграционными потоками скрывалась масса, крайне разнородная по своему социальному облику и демографическим характеристикам. Простое констатирование роста числа ищущих работу не дает полной картины для понимания глубины кризиса и его влияния на сибирское общество. Необходимо рассмотреть, кто именно пополнял ряды безработных, их половозрастной состав, уровень профессиональной подготовки и социальное происхождение. Ответы на эти вопросы позволяют выявить наиболее уязвимые демографические группы и проследить, как экономическая маргинализация трансформировала социальную структуру сибирских городов в 1920-е гг.

Половозрастные характеристики безработных Сибири реконструируются по материалам бирж труда, а также переписей населения. Учетные данные показывают, что женщины неизменно присутствовали в составе безработных в значительном количестве, почти в одинаковом значении с мужчинами. Рекордная цифра в 65 % была зафиксирована в январе 1922 г. В течение всего года женщины преобладали в структуре безработицы − их доля стабильно держалась выше 50 %. В последующие периоды прослеживались сезонные колебания: зимой доля мужчин среди безработных достигала 60−66 %, а с наступлением осени (в сентябре-октябре) баланс вновь смещался в сторону женщин[4]. Материалы бирж труда представляют и точные сведения о численности нетрудоустроенных женщин в регионе, однако следует оговориться, что эти данные показывают неполную картину, так как учетом было охвачено не все безработное население. Согласно январскому 1928 г. отчету Сибкрайтруда и Сибкрайстрахкассы, подготовленному по цифрам бирж труда, за период 1 октября 1926 г. − 1 января 1928 г. численность женщин без места работы колебалась от 13 029 чел. в июле 1927 г. до 17 549 чел. в апреле 1927 г.[5] Женская безработица носила более затяжной характер, мужчинам легче удавалось найти заработок, особенно в летне-осенний период, так как востребованными оказывались преимущественно физически крепкие работники.

Аналогичные данные прослеживаются и по материалам переписей. Если в 1923 г. в губернских городах Сибири безработные мужчины составляли 60 %, то к 1926 г. их удельный вес увеличился до 65 %[6]. Данная динамика отражает не столько абсолютный рост мужской безработицы, сколько изменение структуры незанятого населения: доля безработных женщин в этот же период сократилась с 51,7 % в 1923 г. до 43,7 % к началу 1926 г[7]. Таким образом, уменьшение женской безработицы происходило на фоне относительного увеличения мужской − ситуация, обусловленная несколькими факторами. Во-первых, в годы Гражданской войны место рабочих-мужчин заняли женщины и подростки, а с окончанием военных действий и возвращением мужчин на производство создавалась избыточная рабочая сила, сокращение которой шло за счет женщин и молодежи. Во-вторых, женщины, являясь в своей массе менее квалифицированными, чем мужчины, попадали под сокращение в первую очередь. В-третьих, промышленное восстановление и перевод предприятий на хозрасчет

[3] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 3.
[4] Там же. Д. 1566. Л. 8−10.
[5] Там же. Д. 1176. Л. 162.
[6] Бюллетень центрального статистического управления. Вып. 3, № III. М., 1924. С. 68−71; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 23. С. 2.
[7] Бюллетень статистики труда Сибирского края. Новосибирск, 1926. С. 28.

в годы нэпа сопровождались рационализацией производства, что также вело к высвобождению прежде всего женской рабочей силы. В результате к середине 1920-х гг. гендерный дисбаланс в структуре безработицы постепенно сглаживался, но не за счет улучшения положения женщин, а вследствие их вытеснения с рынка труда и возвращения в сферу домашнего хозяйства.

Женская безработица, как уже было сказано выше, осложнялась тем, что в промышленности труд женщин применялся недостаточно широко. В первой половине 1920-х гг. доля женщин в производстве составила 25,1 %, снизившись по сравнению с 1922 г. почти вдвое. Такое сокращение объяснялось недостаточной квалификацией работниц, что ограничивало их доступ к производственным специальностям. Только около 26−28 % зарегистрированных на биржах труда получали работу[8]. Женский труд в основном применялся на подсобных операциях, а среди квалифицированных работников женщины составляли лишь около 16,6 %[9]. Даже к концу 1920-х гг. в правительственных отчетах сообщалось, что применение женского труда в промышленности являлось ограниченным не только в тех сферах, где производство требовало физической силы, но и в тех, где препятствий для использования такого труда не было. Так, в Сибирском крае в швейной промышленности использовалось 66 % женщин от общего числа рабочих, в кожевенно-обувной − 10 %, в винокуренной − 9 % и т.д.[10]

Недостаточный уровень образования и слабая профессиональная подготовка женщин ограничивали их вовлечение в промышленное производство и применение их труда в этой сфере. Это усиливало женскую безработицу, следствием которой становились проституция, нищенство и беспризорность[11]. Для борьбы с женской незанятостью государство принимало меры по обучению женщин в школах ФЗУ и на курсах, привлечению их в легкую промышленность и сельское хозяйство, а также по использованию их в трудовых коллективах и др.

Еще одной важной характеристикой безработных является возраст. По данным бирж труда на 1 января 1926 г., в Сибири лица младше 22 лет составляли 27 % незанятого населения, а на лиц младше 18 лет приходилось от 6 до 16 % всех не имеющих работы. Доля безработных среди подростков преимущественно находилась в пределах 7−11 %, однако в начале 1922 г. она достигала 23−34 %. В течение 1920-х гг. число не имеющих работы подростков в целом росло − с 0,3 тыс. в марте 1922 г. до 3,8 тыс. в июне 1924 г.; в июне 1926 г. оно составляло 3,4 тыс. чел., а в апреле 1929 г. − 4,9 тыс.[12] Пик приходился на весенне-летний период. Это объясняется тем, что труд женщин и подростков, будучи менее квалифицированным и физически более слабым, не находил применения летом, когда среди мужчин наблюдался спад безработицы. Наибольший уровень безработицы среди подростков отмечался в Омске и Новосибирске, в отдельные месяцы там регистрировалось от 0,4 тыс. до 1,4 тыс. чел. В остальных городах Сибири показатели были сходными − число зарегистрированных подростков составляло от 0,2 до 0,7 тыс.[13] Статистические отчеты Наркомата труда не содержат сведений о гендерной структуре молодежной безработицы. Однако в 1920-е гг. произошло масштабное вытеснение девушек из сферы занятости, их доля среди занятых сократилась более чем в 20 раз. В возрастной группе до 18 лет этот показатель упал с 18,4 % в 1920 г. до 0,9 % в 1926 г.[14] Это позволяет предположить, что возможности девушек найти работу были крайне ограниченными.

В силу недостатка опыта и квалификации молодые работники не могли конкурировать со взрослыми. Производительность их труда оставалась ниже, а рабочий день часто был неполным. Вследствие этого в условиях сокращения штатов руководители предприятий, как правило, предпочитали не нанимать подростков. Из-за тревожных масштабов вытеснения

[8] *Заводский П.* Наш рынок труда и его организация // Вопросы труда. 1926. № 4. С. 60.
[9] *Шнеер Д.* К вопросу о женском труде в производстве // Вопросы труда. 1925. № 12. С. 45.
[10] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1638. Л. 1.
[11] *Рябцева И.А.* Экономическая активность женского населения Западной Сибири в 1920-х гг. // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1 (8). С. 38−39.
[12] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1566. Л. 9, 10.
[13] Там же. Л. 13, 14.
[14] *Рябцева И.А.* Экономическая активность женского населения Западной Сибири… С. 40.

несовершеннолетних с производства, а также из-за серьезных проблем криминального характера, которые порождались вследствие молодежной нетрудоустроенности, 2 мая 1922 г. Президиум ВЦИК принял декрет «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях», который вводил гарантированную квоту рабочих мест для молодых людей − бронь. Документ предусматривал бронирование определенного количества рабочих мест за молодежью (в среднем 7 % от общего количества мест на предприятии)[15]. После принятия этих мер ситуация слегка стала меняться в лучшую сторону. Так, 1 июля 1922 г. подростки составляли 5,8 % занятых в промышленном производстве, а уже в начале 1923 г. этот показатель достиг 6,5 %[16].

Наиболее пострадавшей от безработицы стала средневозрастная группа, в которую входили лица от 22 до 39 лет. На нее приходилось около 53 % незанятого населения. Основная тяжесть безработицы легла на наиболее активную в трудовом отношении часть населения, что было связано как с сокращением производства и штатов, так и с ограниченными возможностями адаптации к меняющимся экономическим условиям. Более устойчивое положение на рынке труда занимали лица старше 40 лет. Их доля среди безработных была заметно ниже и составляла порядка 20 %[17]. Обладая большим производственным опытом и квалификацией, представители этой возрастной группы сохраняли относительно прочные позиции на рынке труда, а последствия безработицы сказывались на них в меньшей степени.

Уязвимость женщин и подростков на рынке труда также объяснялась отсутствием наемного стажа и ограниченным доступом к рабочим местам. Значительную часть зарегистрированных безработных составляли именно такие граждане − преимущественно молодые люди и женщины, постепенно включавшиеся в производственную деятельность. На старте 1920-х рост предложения труда этих категорий объяснялся утратой мужчин, обеспечивавших семью. Удельный вес данной категории незанятых в 1924−1927 гг. равнялся 11−34 %, но в некоторых городах он был выше: так, например, в Новосибирске он достигал 43 % (март 1924 г.), в Барнауле − 46 % (апрель-октябрь 1927 г.)[18].

Имевшие наемный стаж в промышленности или городском хозяйстве формировали около 80 % учтенного контингента, а оставшиеся 20 % приходились на лиц без профессии и квалификации, не имевших наемного опыта. Следовательно, число безработных в Сибири росло также благодаря молодому поколению, вступавшему в трудоспособный возраст и нуждавшемуся в трудоустройстве, тогда как рабочих мест недоставало даже для взрослых. Все заметнее становилось стремление к занятости у женщин, прежде ограниченных домашним хозяйством. Предложение труда женщин поэтому неуклонно увеличивалось, а сферы его приложения расширялись весьма слабо.

При анализе безработицы в Сибири отдельного внимания заслуживает профессионально-квалификационный состав безработных. Наиболее показательными в этом отношении являются материалы бирж труда. Промышленная и транспортная категории на протяжении 1922−1929 гг. в среднем составляли 25,6 % всех безработных, состоявших на учете бирж труда. При этом следует отметить, что данный показатель был примерно одинаков как для первой половины 1920-х гг., так и для второй. На втором месте находились работники умственного труда. В среднем за рассматриваемый период их доля среди безработных составляла 29 %. В первой половине 1920-х гг. доля представителей умственного труда среди безработных достигала 39 %, а во второй половине снизилась до 21 %. Это объясняется тем, что в начале десятилетия биржи труда пополняли сокращенные служащие и вытесняемая «старая» интеллигенция, а к середине 1920-х эти факторы ослабли, так как часть специалистов эмигрировала, часть адаптировалась, а спрос на умственный труд постепенно вырос − в школе, медицине, управлении, культуре и промышленности.

[15] Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 126. 9 июня 1922 г.
[16] *Шварц Г., Зайцев В.* Броня подростков // Вестник труда. 1923. № 8. С. 12.
[17] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1491. Л. 44.
[18] *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. С. 98.

Наиболее уязвимой группой на рынке труда оставались чернорабочие. В среднем они составляли около 45,4 % незанятого населения, зарегистрированного на биржах труда. Их доля выросла с 35,3 % в первой половине 1920-х гг. до 52,8 % во второй. Рост продолжался даже при том, что со второй половины десятилетия работников простого физического труда на биржах труда не регистрировали[19]. Однако его поддерживали миграция рабочей силы из деревни, сезонность строительных, погрузочных и подсобных работ. Промышленность и городское хозяйство не могли обеспечить всех желающих постоянной занятостью. Во второй половине 1920-х общая безработица росла в основном за счет неквалифицированных слоев − крестьян-отходников, женщин, подростков и сезонных рабочих, тогда как кадры, имеющие квалификацию, имели больше шансов трудоустроиться.

Впрочем, и среди безработных, имевших профессиональную подготовку, существовала своя градация. В частности, промышленно-транспортная группа включала квалифицированных, среднеквалифицированных и малоквалифицированных безработных. Примечательно, что представителям первой и второй групп было сложнее найти работу: на них приходилось около 16,5 % от общего числа безработных среди индустриальных и транспортных рабочих. Сходная закономерность отмечалась и в сфере умственного труда, где их доля достигала 13,1 %[20]. Такое положение сохранялось даже в январе 1929 г. На практике от безработицы меньше страдали работники низкой квалификации, а опытные кадры в условиях острой незанятости населения трудоустраивались тяжелее. Вероятно, такая ситуация была вызвана рядом причин. С одной стороны − структурными изменениями в промышленности, при которых имевшаяся у рабочих квалификация не отвечала новым задачам индустриализации: опытные кадры были, но требовался иной опыт. С другой − нежеланием соглашаться на низкую заработную плату, тяжелые или временные работы, отказом от выезда на работу в другую местность, текучестью рабочей силы, сезонным характером части транспортных работ и другими причинами[21].

В составе безработных значительную группу составляли строители и советские служащие, эти категории занимали второе и третье место в статистике органов труда после чернорабочих[22]. На протяжении 1920-х гг. численность строительных рабочих отличалась резкими сезонными перепадами, наиболее заметными во второй половине десятилетия. В отдельные периоды строители составляли свыше 20 % от общего числа безработных в Сибири. Летом в 2–3 раза уменьшалось количество строителей, в то время как зимой этот показатель возрастал. С одной стороны, такая ситуация была обусловлена отсутствием строительных работ в зимнее время года, с другой − хозяйственное развитие края сопровождалось вовлечением все большего числа рабочих, прежде всего строительных. Их труд активно использовался летом, однако зимой они числились безработными. Эта сезонная специфика не только искажала статистику занятости, но и усиливала социальную нестабильность: рабочие лишались стабильного заработка и были вынуждены искать подсобные заработки в межсезонье.

Еще одна категория, которая в первой половине 1920-х гг. формировала более трети всего незанятого населения края, приходилась на советских служащих. Безработица среди них стала закономерным следствием политики рационализации и сокращения государственного аппарата, развернувшейся в условиях перехода к нэпу и введения хозрасчета. Раздутый в годы «военного коммунизма» управленческий штат оказался несовместим с новыми экономическими реалиями, что вынудило государство пойти на массовые увольнения конторских работников. Во второй половине десятилетия их доля сократилась до менее чем 1/5. Однако снижение доли не означало сокращения абсолютной численности: она быстро росла − с 1,3 тыс. чел. на 1 июля 1922 г. до 3,5 тыс. в январе 1923 г. и 12,6 тыс. в июле 1924 г. В 1925−1927 гг. число безработных советских служащих колебалось в пределах 4−8 тыс. чел.[23]

[19] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 20.
[20] *Посчитано по:* Бюллетень объединенного бюро статистики труда при Сиббюро ВЦСПС. 1924. № 4. С. 10; ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1566. Л. 23, 24.
[21] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 15.
[22] Там же. Л. 2; *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.)… С. 100−101.
[23] ГАНО. Ф. 12. Оп. I. Д. 287. Л. 321; ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1534. Л. 2; Д. 1494. Л. 3.

Тяжелая ситуация с трудоустройством была и среди советских торговых служащих. По данным Наркомтруда за 1926/27 г. в СССР, эта группа составляла 25,1 % всех зарегистрированных безработных, а среди безработных умственного труда на нее приходилось 17 %[24]. Сибирь не была исключением. В октябре 1927 г. этот показатель в регионе был даже выше, чем общесоюзный, составив 21,4 %[25]. Причины столь массовой незанятости объясняются теми же причинами, а именно – целенаправленной политикой сокращения государственного и торгового аппарата. С переходом к хозрасчету и «режиму экономии» прием новых сотрудников был прекращен, а существующие штаты повсеместно сжимались.

Также в данной работе имеет смысл проанализировать стаж незанятого населения и длительность безработицы в Сибири. Анализ трудового стажа безработных выявляет тревожную тенденцию: за один год (с января 1925 по январь 1926 г.) доля лиц, впервые предлагавших свой труд, удвоилась (с 10 до 21 %). Одновременно почти вдвое сократилась доля безработных со стажем свыше 10 лет (с 22,2 до 12 %). Эти сдвиги свидетельствуют о том, что рынок труда Сибирского края пополнялся преимущественно за счет неопытных работников, тогда как квалифицированные кадры находили применение быстрее. Иными словами, безработица приобретала все более «молодой» и, как уже было отмечено выше, «неквалифицированный» характер. Более трети незанятых (36 %) либо не имели трудового опыта, либо работали менее года[26]. Это усиливало структурный характер безработицы и ограничивало возможности ее быстрого преодоления.

Безработица в Сибири имела затяжной характер. Основная масса незанятого населения не имела работы в течение полугода. По данным переписи лица, работавшие ранее по найму, не имели работы до 3 месяцев − 39 %, до 1 года − 39,6 %, свыше года − 21,4 %. Доля рабочих, не имевших работы до 3 месяцев, была выше − 44 %, а служащих ниже – 33 %[27]. Такая ситуация объяснялась сезонностью строительных, навигационных и других работ. Четвертая часть безработных оседала на биржах труда. Они не могли найти работу в основном из-за низкой квалификации и профессиональной неподготовленности.

Большое значение для характеристики состояния безработицы и положения безработных имеют данные об их семейном положении. Материалы переписи 1926 г. показывают, что больше половины (63,3 %) безработных состояли в браке, большая часть из них являлись главами семьи. Безработных женщин, состоявших в браке, было 39 %. Из них вдовых женщин, т.е. являвшихся главами семьи, было среди работавших по найму 16,1 %[28]. В целом значительный процент безработных являлись главами семьи и должны были содержать семью. Эти данные подтверждаются и материалами профсоюзного учета.

Естественно, в таких условиях среди безработного населения росло и распространялось недовольство, которое приобретало крайне острый и антисоветский характер. Основными факторами возмущения выступали материальная необеспеченность и продовольственные трудности, задержка начала сезонных и строительных работ, недостатки в работе бирж труда и т.д. Негодование выливалось в конфликты со служащими бирж, драки с милицией, дебоши, погромные настроения, призывы к восстанию и свержению советской власти. За середину мая − середину июня 1929 г., по данным ОГПУ, было зафиксировано 307 случаев характерных антисоветских проявлений, что свидетельствует о массовом характере этих настроений. Безработные критиковали руководство страны, профсоюзы, коммунистов, обвиняя их в сытой и обеспеченной жизни на фоне голода и отсутствия работы. Как итог, вследствие безработицы и тяжелых последствий, вызванных этим явлением, незанятое население превратилось в нелояльную и взрывоопасную группу населения Сибири, находившуюся под особым наблюдением ОГПУ[29].

[24] История индустриализации в СССР. 1926−1928 гг.: док-ты и мат-лы. М., 1969.
[25] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 2.
[26] *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.)… С. 103.
[27] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 52. С. 100−101.
[28] Там же. Т. 23. С. 66−67; Т. 52. С. 100−101.
[29] *Потапова Н.А.* Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134−141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (дата обращения: 09.10.2026); *Potapova N.* “Beat the Communists”: the mood of the unemployed population of the Siberian region according to the OGPU of the USSR // Gumilyov Journal of History. 2025. Vol. 153, No. 4. P. 74−90.

Таким образом, безработица в Сибири в 1920-е гг., будучи «чуждым» явлением для социалистической идеологии, приобрела масштабный и затяжной характер. Анализ статистических материалов бирж труда, переписей и отчетов Сибкрайтруда показывает, что регион не только не уступал большинству территорий СССР по остроте проблемы, но и превосходил их по численности незанятых и нагрузке на одну биржу труда. Структура сибирской безработицы отличалась выраженной социально-демографической неоднородностью. Наиболее уязвимыми категориями являлись женщины, подростки и неквалифицированные работники, чье положение осложнялось отсутствием наемного стажа, низкой квалификацией и ограниченным доступом к рабочим местам. Женская безработица носила затяжной характер и усугублялась вытеснением женщин из промышленности, а молодежь, впервые вступавшая в трудовую жизнь, сталкивалась с конкуренцией со стороны взрослых работников. Значительную долю незанятых составляли чернорабочие, советские служащие и строители, что отражало структурные диспропорции и сезонность сибирской экономики. Государственные меры − бронирование рабочих мест для подростков, обучение женщин, привлечение их в легкую промышленность − несколько смягчали ситуацию, но не могли кардинально решить проблему в условиях ограниченного числа рабочих мест. Безработица стала крупным социальным бедствием, исключившим из производственной жизни значительное количество трудоспособного населения, усилившим социальную нестабильность и маргинализацию. Она способствовала возвращению части женщин в сферу домашнего хозяйства, росту проституции, нищенства и беспризорности. Сибирская безработица 1920-х гг. являлась не только экономическим, но и глубоким социальным явлением, трансформировавшим структуру городского общества и обозначившим пределы государственной политики в сфере занятости.

Литература

История индустриализации в СССР. 1926−1928 гг.: документы и материалы / под ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1969. 535 с.

Кекалова Л.Н. Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 222 с.

Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134−141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР 1917−1930 гг. М.: Наука, 1973. 382 с.

Рябцева И.А. Экономическая активность женского населения Западной Сибири в 1920-х гг. // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1 (8). С. 36−44.

Potapova N. “Beat the Communists”: The Mood of the Unemployed Population of the Siberian Region according to the OGPU of the USSR // Gumilyov Journal of History. 2025. T. 153, No. 4, P. 74−90.

References

Kekalova, L.N. (1984). *Likvidatsiya bezrabotitsy v Sibiri (1922−1930 gg.)* [Elimination of Unemployment in Siberia (1922−1930)], Diss. cand. hist. sci. Novosibirsk. 222 p.

Potapova, N.A. (2021). Bezrabotitsa v SSSR v 1920-e gody: ideologicheskaya doktrina i ekonomicheskaya real’nost’ [Unemployment in the USSR in the 1920s: Ideological Doctrine and Economic Reality]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6 (20), pp. 134−141. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (date of access 09.10.2026).

Potapova, N. (2025). “Beat the Communists”: The Mood of the Unemployed Population of the Siberian Region According to the OGPU of the USSR. In *Gumilyov Journal of History*. Vol. 153, No. 4, pp. 74−90.

Rogachevskaya, L.S. (1973). *Likvidatsiya bezrabotitsy v SSSR 1917−1930 gg*. [Elimination of Unemployment in the USSR 1917−1930]. Moscow, Nauka. 382 p.

Ryabtseva, I.A. (2019). Ekonomicheskaya aktivnost’ zhenskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1920-kh gg. [Economic Activity of the Female Population of Western Siberia in the 1920s]. In *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami*. No. 1 (8), pp. 36−44.

Kim, M.P. (Ed.). (1969). *Istoriya industrializatsii v SSSR. 1926−1928 gg.: dokumenty i materialy* [The History of Industrialization in the USSR. 1926–1928: Documents and Materials]. Moscow, Nauka. 535 p.